

Сюрприз с подвохом

- Слушай, что скажу! – начал Царь тоном, не сулившим ничего хорошего.

Фразу он произнес по окончании совещания, когда всем сотрудникам было велено разойтись, а мне – остаться. Коллеги поспешили покинуть зал заседаний, сочувственно поглядывая на меня. Я замерла в позе рядового роты почетного караула. Весь мой вид свидетельствовал о том, что я внимательно вникаю и жду.

- Иванова, ты уволена, - бесстрастным голосом изрек Царь, он же хозяин крупной фармацевтической компании.

Изрек и пронзил взглядом дверь, тем самым указывая, где выход.

Я отлично знала, где выход, но уходить не спешила, хотя, догадывалась, чем может закончиться моя заторможенность. Наш Царь – личность, не терпящая возражений и предпочитающая абсолютную монархию. Самодержавный правитель и этим все сказано! На любое желание поспорить у него найдется один веский довод, от которого будешь отходить неделю. И хорошо, если настроение Царя позволит тебе задержаться в стенах компании, что бывает весьма редко. В основном работники вылетают с работы, как стартовая ракета при запуске, никакие уговоры и заверения в преданности и собственной глупости не помогают, больше раздражают Царя. Один неугомонный уговорщик получил пинок под зад, с тех пор желающих вступить в дискуссию не нашлось. Новым коллегам сцена с пинком живо описывалась и со временем обросла несуществующими подробностями.

Надо признать, что народ Царя не просто побаивался, народ Царя боготворил, особенно те, кто не обращал внимания на его резкость и косноязычие. Многие из нас были уверены, что наш хозяин – гениальный актер, ему нравится вводить подчиненных в заблуждение. Тех, кто играет в его игру, он осыпает благами. А его игра заключается в слепом подчинении, в понимании с полуслова и принятии на веру своеобразной ограниченности ума. Если первые два условия всеми выполнялись, зная его своевольный характер, то с последним условием была беда: некоторые работники покупались на хозяйскую недоразвитость, как их не предупреждали. Не всех, лишь тех, кто легко вписывался в наш сплоченный коллектив. Те, кто покупались, мечтали извлечь собственную выгоду. А как не воспользоваться удачной возможностью обогатиться, если начальник лопух?!

Проверку на сообразительность проходили многие, но не все.

Я работала в компании восемь лет и считалась старожилом и доверенным лицом Царя, несмотря на то, что не наушничала, не угождала, не шла «по головам», просто была фанатично предана работе, не требуя взамен заоблачных материальных благ. И Царь это ценил.

До сегодняшнего дня.

Когда он сказал: «Слушай, что скажу», я не затряслась, как испуганный заяц, обращение было привычным, отличалось только отсутствием обращения. Обычно Царь говорил: «Иванова, слушай, что скажу» или «Иванова, слухай сюда». В последнее время, а именно, последние два месяца, хозяин переживал личную трагедию: от него ушла жена. Не он от нее, а она от богатого мужа, который, как утверждает секретарша Инга, в домашней обстановке снимает маску пришибленного самодура и становится заботливым супругом, нежно любящим свою вторую половину. Они поженились, когда обоим стукнуло всего двадцать, брак продлился целых восемнадцать лет, детей у них не было. За все годы моей работы в компании Царица ни разу не приходила в наш головной офис, как это обычно проделывают ревнивые жены, желая «держать руку на пульсе». И не потому, что слепо доверяла мужу, она была занята своими делами. Невзирая на статус мужа и материальную обеспеченность, жена Царя работала обычным терапевтом в обычной районной

поликлинике. Возможно, они разошлись на почве недопонимания. Он хотел, чтобы она сидела дома и тем самым полностью зависела от него, а она презирала его неутомимую потребность в преумножении капитала и дорожила своей свободой.

Возможен и иной вариант: один из них нашел замену другому. Попросту говоря, разлюбил и присмотрел кого-то на стороне.

Или все гораздо проще: брак себя изжил.

Наш Царь в порочащих связях замечен не был, ни с кем никогда не заигрывал, комплиментами не осыпал, не позволял дамам всех возрастов кокетничать с кем бы то ни было в стенах компании. Тем более, с ним. После развода с женой таких кокеток нашлось не мало. Особо настырные были уволены.

Чего скрывать, однажды утром я тоже проснулась с горячим желанием захомутать одинокого симпатичного мужчину с живыми глазами. Но быстро отговорила себя от скользкой затеи, несмотря на то, что давно была не равнодушна к этому неотесанному грубияну, к этому гениальному актеру и гениальному топ-менеджеру, который, как и я, был фанатично предан делу. У меня на первом месте всегда была работа, потому засиделась в девках до тридцати четырех лет.

Или я себя обманываю? На самом деле всё гораздо проще: пока не нашелся мужчина, который уговорил бы меня изменить ритм жизни, значительно сократить четырнадцатичасовой рабочий день.

А теперь я осталась у разбитого корыта: ни семьи, ни работы.

Ладно, работу я найду, согласна и на меньшую зарплату, но как быть... с робким ростком чувства, который появился давно и который резко стал расти, политый ручейком надежды после распада семьи Царя. Едва росток появлялся на поверхности, я срывала его, но корень оставался нетронутым. Удалить его я была не в силах, слишком сильно корневая система заплела мой организм.

И довольно себя обманывать.

Как же я буду жить дальше? Я не могу без него! Я хочу его постоянно видеть, слышать его хриловатый голос, от которого меня начинает морозить, как при гриппе. Да, я больна. Я давно и неизлечимо больна любовью к этому бесчувственному мужчине. И осознала это сию минуту. Это не увлечение, милочка! Это настоящая любовь, которая была под гнетом круглосуточной занятости.

И что мне делать с этой любовью, избавившейся от груза?..

Я с удивлением поняла, что продолжаю стоять перед Царем по стойке смирно. Не пытаюсь оспорить его странное решение и не ухожу. Стою и молчу.

Почему у меня так чешется подбородок?

Не спуская глаз с его лица, я провела ладонью по подбородку. Ладонь стала мокрой. Я бросила взгляд на мокрую ладонь, не соображая, почему по моим щекам бежит вода, группируется на подбородке и лавиной обрушивается на платье.

Я плачу? Я плачу.

Я не плакала много лет. Уж, не вспомню, когда это было в последний раз.

Я не буду унижаться. Я сейчас развернусь и уйду.

Почему я стою и плачу?! Зачем я вымаливаю сострадание?

Я не вымаливаю, я не могу прочесть то, что написано в его глазах.

Я хочу во всем разобраться.

Я собралась с силами, открыла рот и...

- Э-э-э, - вырвался у меня протяжный звук.

Царь оценивающе на меня смотрел. Так смотрит экзаменатор на абитуриента, поступающего консерваторию на вокальное отделение. Но в его взгляде было что-то еще. Что-то закамouflированное и пока не переводимое на обычный человеческий язык.

Моя сообразительность резко упала до минимальных значений. Я хотела задать умный вопрос, пусть не из сферы моей деятельности, чтобы дать понять, что я не переживаю, что я не удивлена. Да, всему хорошему когда-то приходит конец, но жизнь на этом не останавливается.

Если он сейчас переведет взгляд на дверь, то я соберусь с силами и покину кабинет с... понурой головой и волоча ноги.

Он не отвел от меня глаза. Он смотрел на меня каким-то подозрительно-хитрым взглядом.

- Э-э-э, - продолжила я свое вокальное выступление. Царь промолчал, только прищурился, словно вспоминал, где уже слышал эту загадочную однотонную мелодию. Я облизала сухие губы, отчего привела его в необычное состояние: он смутился и заерзал на стуле. Царь никогда и ни при каких обстоятельствах не смущался. И не ерзал.

- Вы что-то хотели, Иванова? – сконфуженно спросил он, будто не я была просителем, а он. Нет, я не проситель, я женщина, которая теперь от него не зависит. Или зависит? Я всегда буду от него зависеть, потому что...

- Скоро новый год, - ни с того ни с сего напомнила я, - я сдавала деньги на корпоратив... Ввиду сложившихся... обстоятельств, хочу их забрать.

- Вы не хотите повеселиться в кругу бывших коллег? – удивился Царь. Его недовольная физиономия намекала на то, что я выбрала неправильное направление.

А что он хотел от меня услышать? Заверение в благодарности за передышку, которая так необходима моему уставшему организму? Неизвестно, сколько продлится эта передышка в связи с периодом долгоиграющих праздников.

- Повеселиться? – промямлила я, - нет, не хочу.

- Почему?

Если заявление об увольнении меня шарахнуло так, как шарахает молния, попавшая в цель, то желание Царя поговорить в непринужденной обстановке было сходно с предложением инопланетянина, постучавшего в дверь моей квартиры для обмена информацией.

Что происходит?! То на дверь указал, то предлагает пойти на корпоратив.

- Не хочу и всё! – брякнула я, ожидая грубого окрика. Не случилось.

Напротив, мне предложили присесть. Я устала стоять на ватных ногах и бухнулась на стул.

- У вас, наверное, в нашей компании появился... сердечный друг, по которому вы будете скучать?

Меня покорило непривычное обращение на «вы». Обычно Царь всем подчиненным тыкал без разбора. Теперь я не его подчиненная, а разболтался он по причине хорошего настроения. Сложный год позади, подведение итогов порадовало, празднование Нового года на пороге. Спасибо, дорогой начальник, за новогодний сюрприз.

Сюрприз так сюрприз, нарочно не придумаешь.

- У меня нет... сердечных друзей на работе. И за стенами работы тоже нет, - неожиданно призналась я. - У меня есть... была одна работа.

- Так нельзя, - осуждающе произнес Царь.

- Я... пойду, - прошелестела я и с трудом оторвалась от стула, будто меня к нему приклеили, но клей оказался некачественным.

В это время дверь кабинета распахнулась и заглянула Инга. Ранее она без стука не являлась.

- Павел Петрович, курьер прибыл! – звонко отрапортовала она, - заносить?

- Подожди! – испуганно остановил ее порыв Царь. Его лицо мигом покраснело, словно его приложили к горячей печке.

Он вскочил, сделал несколько шагов, оглянулся и попросил:

- Вы пока никуда не уходите. Я скоро вернусь.

И выскочил из кабинета.

Я снова опустилась на стул, прилежно положила ладони на колени и стала ждать.

Он отсутствовал пару минут. За это время я успела о многом передумать, оборвавшаяся на взлете карьера волновала меня меньше всего.

Я слышала, как открылась дверь. Как что-то зашуршало, как он подошел ко мне сзади и замер. Я боялась повернуться.

Тома, - очень тихо обратился он ко мне. – Тамара... Тамарочка.

Я сидела не шелохнувшись.

- Тома, повернись ко мне, - мягко попросил Павел Петрович незнакомым голосом, - я не могу разговаривать с твоей спиной.

Я повернулась и увидела перед собой другого мужчину, с другим взглядом, который держал двумя руками охапку багровых роз.

- Спасибо, - поблагодарила я, легко выхватила цветы из его рук и прижала к себе, не чувствуя колючих шипов. И язвительно заметила при этом, – первый раз вижу такие шикарные проводы. Не просто вижу, а участвую в них. Чувствую себя юбиляршей, которой стукнуло пятьдесят пять. Надо бы отметить сие мероприятие.

- Тома, это не проводы, - не к месту сообщил мужчина, нервно поправляя галстук. Затем пригладил волосы и выпалил на одном дыхании, - Тамара, я прошу тебя стать моей женой!

- Кем стать? – не поняла я и резко затрясла головой, словно хотела вытрясти их головы проникшую туда фразу, которая мне не предназначалась.

- Женой, балда! – усмехнулся Павел.

- Сами вы балда! – осмелев, парировала я, отгораживаясь от него букетом роз.

- Ладно, это я балда, потому что боялся признаться тебе... - замешкался он.

- Что я уволена, - подсказала я.

- При чем здесь увольнение, - вздрогнул мужчина. – Тома, ты понимаешь, о чем я тебе толкую?!

- Не-а.

- Тамара, я тебя люблю и хочу, чтобы ты стала моей женой, - скороговоркой проговорил он. Выдохнул и более спокойным тоном продолжил, - я признался бывшей супруге, что полюбил другую женщину. Я всегда был с ней честен. Она все поняла и согласилась на развод... Тома, почему ты молчишь?! Признайся, что ты меня тоже любишь! Я точно знаю, что любишь! – расцвел он, - и сегодня мои сомнения окончательно развеялись. Я бы никогда не решился на объяснение, если бы...

- Так я не уволена? - нетерпеливо перебила я Царя.

- До декретного отпуска можешь поработать, - ответил он, сдерживая рвущееся наружу веселье.

- Но я не собираюсь в декретный отпуск, - задумчиво доложила я, мысленно выстраивая в шеренгу новости последнего часа. Как не пыталась я найти связь между ними, так и не смогла. Наверное, удар молнии был сильным.

- Месяцев через семь соберешься. Мы не станем с этим тянуть, я давно мечтаю о ребенке. Мне все равно, кто это будет - сын или дочь.

- Вы уже все за меня решили? – поинтересовалась я, начиная что-то соображать.

- А ты против?

- Павел Петрович, вы не шутите?

- Я серьезен, как никогда, - едва слышно произнес мужчина, не приближаясь. - Так ты согласна выйти за меня замуж?

Я даже мечтать не могла о таком исходе, но постаралась сделать обиженное лицо.

- Том, не обижайся. Ты полюбила меня таким, другим я быть не могу. Ну, полюбила же? – не перестал допытываться он.

Он давно обо всем догадался, но хотел услышать признание из моих уст...

Павел не деспот с жесткими методами правления собственным государством, а обычный мужчина со своими комплексами и чувствами. Я всегда это подозревала, потому и полюбила его вместе с недостатками и достоинствами. Полюбила того настоящего, который спрятался под толстым слоем защитной брони...

И правду говорят: Новый год приносит только приятные сюрпризы! Надо верить, ждать и надеяться!

А еще смотреть по сторонам, чтобы не пропустить нерешительного человека, который ждет от вас первого шага навстречу...

Декабрь 2013г.